

МАСТЕР СМЕХА

НЕМОЛОДОЙ высокий, человек с суровыми, надвинувшимися на самые глаза бровями, резко очерченным носом, низким басовитым голосом. Первые же впечатления вступают в противоречие с тем, что мы о нем знаем. Маренич, опереточный комик... Да, с таким лицом можно играть Чацкого, Фамусова, короля Лира!

— Знаете, — говорит Маренич, — всю жизнь приходится бороться с собственной внешностью. Еще в Харьковском театральном училище готовили меня в геролюбвишников. С этого и начинал на драматической сцене. А потом вот увидел двадцатилетним юнцом оперетту «Коломбину» и подумал — «Вот моя жизнь».

Народного артиста РСФСР Анатолия Григорьевича Маренича трудно заставить рассказать о себе, разговор все время переоскакивает или на опереточный жанр вообще, или на Свердловский театр музыкальной комедии, с которым вот уже тридцать лет накрепко связал свою жизнь Маренич.

Нам часто трудно бывает оторваться от привычного, сложившегося в представлениях шаблона. Раз опереточный комик — значит маленький, с лысинкой, с брюшком, со срывающимся на фальцет голосом. Раз оперетта — так обязательно благополучная любовь, герой с героиней после легкого недоразумения расппевают нежные дуэты «рука в руку», «глаза в глаза», им, смеясь, подтанцовывают простак с субреткой, и нас все время стараются убедить: «это ведь вам не жизнь, здесь все красивей и веселее».

И вдруг совершенно неожиданно из жизни: Пеликан в третьем акте давно известной «Принцессы цирка». Всего-навсего персонаж для смеха во многих других таких же спектаклях, он оказы-

вается у Маренича трогательно добрым и простодушным и от того попадающим в разные смешные переплеты. (См. снимок).

Да, ему здорово достается от его властной хозяйки, и он, конечно, знает цену ее самодурству, но ведь он любил ее когда-то, а может быть, и сейчас терпит ее капризы от того, что бережет дорогие для себя воспоминания юности.

Для того, чтобы развить тему несостоявшегося счастья Пеликана, несостоявшегося потому, что у него пуст карман, Маренич ввел в спектакль дуэт из другой кальмановской оперетты «Фея карнавала» — «любовь не знает во всем преград». Актер не старается рассмешить публику. Все, что он делает, подчинено единой задаче — раскрытию характера. И от этого его герой совсем не перестает быть смешным. Наоборот... Вот он высунул язык (в его возрасте так отплевывать можно только «высуня язык»), вот застряла нога и он не может ее сдвинуть с места (наверное, подрага) — очень смешно и очень точно!

Легко представить себе старателя с Уральских приисков в драматическом спектакле. А в оперетте? Артист создает чрезвычайно интересный образ смутьяна, ищущего справедливости Василия Кокшарова в оперетте К. Кацман «Именинница». Ни в гриме, ни в пластике, ни в танце, ни в речевой характеристике он не повторяет ничего из того, что мы видели в Пеликане. Этот полупьяный, приплясывающий веселый мужичок, который «все пропил, все прожил, черту душу заложил», ворвавшись в барский особняк, вдруг неожиданно тоскливо про-

износит: «Пошто все? Кругом золото — посередке бедность».

И снова очень точная человеческая и социальная характеристика и парадоксально великолепное сочетание драматического и комического. Маренич считает своим творческим кредо — постоянное сочетание в своих героях горя и радости, слез и смеха, эксцентрики и реализма, неуловимость граней между этими слагаемыми.

— Где же вы в жизни находите материал для своих героев?

— На этот вопрос трудно ответить, — улыбается Маренич. — Помню, были мы с женой в Париже. Зашли как-то в маленькую кружевную лавочку. Старичок в подтанках потягивает вино. Едва слышно пиликает приемник — там платят за каждый час работы. Мы стараемся понять друг друга, и вдруг хозяин включил на полную мощность «Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера». Эти «подмосковные вечера» в парижской лавочке стали для меня ключом к образу графа Лососиноостровского в оперетте Ю. Милютин «Цирк зажигает огни». Я представил себе старого русского эмигранта, который одиноко сидит над кружкой пива: никому-то он не нужен — ни родине, ни самому се-

бе, а по радио льется «Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера». Так в финальном уходе моем граф зашел эту фразу, и образ жалкого, никемного человека, который от всех получает пощечины, приобрел новый оттенок.

Маренич не знает слов «конец работы». 150 различных ролей в его боевом арсенале, и ни одной из них он не считает законченной, он постоянно ищет, импровизирует, обогащает своих героев новыми деталями, новой выдумкой.

А. ГОЛЬДИНА.